

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

Prix: 50 centimes.

Вторникъ 15 ноября 1881
3 октября

Отдѣльные нумера продаются по 50 сант. въ книжномъ магазинѣ **H. GEORG, Genève, rue de la Corraterie.** Телеграммы, письма и корреспонденции въ редакцію адресуются: **rédaction du journal «LA PAROLE LIBRE» Poste-restante. Eaux-Vives, Genève.** Желаящихъ имѣть лично объясненія съ редакціей просить обращаться по тому же адресу.

СОДЕРЖАНИЕ:

1) Правильныя начала и погрѣшности «программы народной партіи». — 2) Слухъ объ открытіи заговора и объ удаленіи генерала Игнатъева. — 3) Нѣсколько словъ объ отвѣтственности и объ обязательной для русскаго публициста нравственной порядочности; фальшивый доносъ фельетониста-издателя «Новаго Времени»; какъ мы понимаемъ формулу: «все для народа и посредствомъ интеллигенціи»? — 4) Комиссія о пересмотрѣ провинціального управленія. Чего можно ожидать отъ «государственныхъ умовъ» нынѣшняго царствованія? Какими силами должна быть произведена работа разсудоточенія государственнаго управленія? — 5) Историческая Польша и великорусская демократія, XII, *М. Драгоманова*. — 6) Современное положеніе (Корреспонденція изъ Петербурга) г-на *М.* — 7) Письма о рабочемъ движеніи, X. Соціалистическое движеніе въ Италіи. Переходный фазисъ въ его развитіи. Экономическое положеніе народа и общее культурное его состояніе, какъ препятствіе къ образованію рабочей партіи. Общій характеръ соціальной борьбы низшихъ классовъ въ Италіи. Препятствія образованію раб. партіи со стороны правительства и буржуазныхъ партій. — 8) Программа народной партіи. — 9) Известія и замѣтки: соціалистическіе депутаты въ Германіи.

Женева, 15 ноября.

Печатаемая ниже „программа народной партіи“, съ удовольствіемъ отмѣчаемъ въ ней сознаніе необходимости полнаго слитія съ народомъ. „Освобожденіе народа, — говорится въ заключеніи, — мыслимо лишь въ томъ случаѣ, когда народъ и народная партія сдѣлаются однимъ неразрывнымъ цѣлымъ“. Но такъ какъ на прострѣтахъ восточно-европейской равнины, занимаемой Россійскою имперіей, живетъ не одинъ народъ, а нѣсколько національностей, механически между собою связанныхъ въ настоящее время, то дѣйствительное слитіе партіи съ народомъ можетъ произойти не иначе, какъ при усло-

віи ея федеральнаго устройства путемъ образованія національных группъ. Каждая изъ этихъ группъ дѣйствуетъ въ своемъ природномъ районѣ, опираясь, какъ сказано въ началѣ „программы“, на условія и міровоззрѣнія, выработанныя народною жизнью“ и становясь, благодаря этому, „живой общественной силой“.

Отмѣчая эти безспорно вѣрные приемы борьбы за освобожденіе, мы не можемъ, однако, пройти молчаніемъ важныя противорѣчія съ основными принципами, встрѣчаемыя въ программѣ при опредѣленіи практическихъ подробностей.

Такъ, въ отдѣлѣ: „цѣль и непосредственная задача партіи“, намъ кажется крайне страннымъ заключительный пунктъ, объясняющій, что, „въ моментъ народнаго возстанія партія возьметъ на себя инициативу организаціи временныхъ правительствъ, способныхъ руководить революціонной борьбой и готовыхъ, послѣ приведенія ея къ успѣшному концу, уступить мѣсто политической организаціи, санкціонированной народомъ“. Какъ это? Народъ будетъ возставать, а партія примется за организацію правительствъ для управленія возставшимъ народомъ? Да захочетъ ли еще народъ взять себѣ въ правительство рекомендуемую себя партію? Захочетъ ли возставшій народъ стѣснить свободу своихъ дѣйствій вообще какимъ бы то ни было правительствомъ? Всякое дѣйствительно народное возстаніе само собою выдвигаетъ и вожаковъ возстанія изъ той же народной среды, а потому предложеніе партіи править этою средою можетъ повести только къ весьма невыгодному мнѣнію о дѣйствительно преслѣдуемыхъ ею цѣляхъ и стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ ея же заявленіемъ, что народъ и народная

партія должны составить одно неразрывное цѣлое, если только роли обѣихъ сторонъ въ этомъ цѣломъ не раздѣлять такъ, что одни будутъ идти въ огонь, а другіе станутъ тѣмъ временемъ подбрасывать полѣнья, чтобы жарче горѣло, а потомъ „загрѣбать жаръ чужими руками“.

Къ числу крупныхъ ошибокъ программы нельзя не отнести также зачисленіе въ дѣйствующіе ряды партіи интеллигентной молодежи, и при томъ такой, которая еще нуждается въ научномъ образованіи и въ воспитаніи въ себѣ чувства гражданскаго долга—вести борьбу за народныя идеалы. Привлечь къ народному дѣлу лучшія силы общества, конечно, необходимо; но учащаяся молодежь не сила,—она можетъ лишь стать ею со временемъ, т. е. когда закончитъ свое научное образованіе, умственно и нравственно подготовитъ себя къ практической дѣятельности. Впрочемъ, не одна „народная партія“ впадала въ эту прискорбную ошибку, не ей, конечно, обязано наше отечество безвозвратною потерей лучшихъ силъ своего будущаго, вслѣдствіе неумѣлости бравшихся за организацію революціонной борьбы или желанія организаторовъ окружать себя скорѣе поклонниками, нежели людьми дѣла.

Ходитъ слухъ объ открытіи въ Петербургѣ чрезвычайно искусно составленнаго заговора противъ жизни царя; поговариваютъ объ удаленіи генерала Игнатъева.

Отвѣтственность, которой подвергается въ нашемъ отечествѣ всякій нарушитель покоя администраціи вольнымъ словомъ, дѣлаетъ нравственно-обязательнымъ для каждаго русскаго публициста уважать

Не сомнѣвается, что статсъ-секретарь Кахановъ съ товарищами бюрократами и ими излюбленными людьми изъ общественной среды сдѣлаютъ значительныя поправки въ II-мъ томѣ св. зак. Россійской имперіи; но на сколько эти поправки въ состояніи внести свѣжую струю въ стоячее болото русскаго полицейскаго государства — это другой вопросъ и при томъ касающійся скорѣе нашей правящей среды, чѣмъ управляемаго населенія. Мы знаемъ, что Каханову Россія обязана повсемѣстнымъ усиленіемъ произвола неправыхъ, полиціймейстеровъ, жандармовъ и губернаторовъ, что ему же населеніе десятка губерній обязано введеніемъ чрезвычайной охраны въ видѣ какого-то варварскаго опыта надъ долготерпѣніемъ народа; мы знаемъ также, что одинъ изъ ревизующихъ сенаторовъ, теперь членъ государственнаго совѣта, изготавлявшій еще такъ недавно у себя на квартирѣ всероссійскую конституцію, первый подаль мысль объ учрежденіи особаго присутствія для административной ссылки и додумался до этой конституціонной гарантіи въ самомъ началѣ производства ревизіи одной изъ восточныхъ губерній, гдѣ, говорятъ, открытъ не мало злоупотребленій мѣстной администраціи. И тотъ же статсъ-секретарь Кахановъ, и тотъ же сенаторъ и членъ государственнаго совѣта, по фамиліи Ковалевскій, призваны теперь разрѣшить завязавшійся еще на Московской Руси споръ между земщиной и государствомъ! Какимъ же людей позвать на совѣтъ эти „государственные умы“ пышнѣшаго царствованія, эти претечки поваго правового порядка, крещающіе кутузками и архангельскими сѣтками? Какое могутъ они внушить довѣріе обществу къ правительственнымъ заботамъ о народномъ благѣ? Кто рѣшился бы въ ихъ присутствіи сказать правдивое слово о полной негодности всей системы сосредоточенности государственнаго управленія въ рукахъ отвергаемой народнымъ чувствомъ и общественнымъ сознаниемъ чиновничьей касты, о фальши представительства, не основаннаго на свободѣ выбора, о насильственномъ удаленіи изъ народной среды всякаго человѣка, способнаго объяснить темному люду его права, указать ему на дѣйствительныя средства къ достиженію правственнаго и матеріальнаго благосостоянія, на мѣру его обязанностей передъ государствомъ и на значеніе общественной солидарности выражаемой въ свободномъ общеніи мнѣній, гласно, въ печати, на сходкахъ, — солидарности,

выражаемой въ устройствѣ сообществъ самопомощи и производительнаго труда, — безъ чего не мыслимъ отпоръ произволу и хищническимъ захватамъ въ области нравственной и матеріальной жизни личности?

Такія работы, какъ разредоточеніе государственнаго управленія и опредѣленіе взаимныхъ отношеній земствъ и городскихъ учреждений къ мѣстнымъ правительственнымъ властямъ не могутъ производиться подъ руководствомъ чиновниковъ. Въ основаніи такихъ работъ должны лежать мѣстные интересы не чиновничьяго сословія, а всего населенія, которому, поэтому, и должно принадлежать рѣшающее слово, если хотятъ пользы народной, а не упроченія благосостоянія лицъ, состоящихъ на государственной службѣ и на жалованьи, взимаемомъ съ народа въ видѣ податей на государственныя нужды. Населеніе же можетъ высказываться только однимъ способомъ — черезъ посредство свободно выбранныхъ имъ довѣренныхъ людей. Эти же довѣренные люди съ великою для общаго дѣла пользою могли бы высказаться и по содержанію свѣдѣній и выводовъ, добытыхъ сенаторскими ревизіями. Иначе даже самыя удачныя наблюденія сенаторовъ-ревизоровъ заглухнутъ въ министерскихъ канцеляріяхъ, будутъ просто на просто припрятаны чиновничествомъ (не рѣзать же ему себя по живому!), а на худой конецъ останутся не понятыми въ ихъ дѣйствительномъ значеніи, т. е. въ ихъ значеніи для народной жизни.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛЬША

и

ВЕЛИКОРУССКАЯ ДЕМОКРАТІЯ.

XII.

Первый изъ упомянутыхъ банкетовъ былъ данъ въ память возстанія 1863 г. Здѣсь К. Марксъ произнесъ рѣчь, въ которой, по обыкновенію, наставлялъ на необходимость „возстановить Польшу“, чтобы разорвать связь между Россіей, Пруссіей и Австріей“, — какую Польшу, — историческую, или этнографическую? — нѣмецкій ораторъ не сказалъ, — но, конечно, ту, за которую было возстаніе 1863 г. Никто изъ ораторовъ, ни поляковъ, (напр. г. Врублевскій), ни великоруссовъ, которые все говорили о польскомъ народѣ и его будущей социальной свободѣ, не поднялъ вопроса о другихъ народахъ въ предѣлахъ этой Польши. Довольно близко подошелъ было къ этому вопросу одинъ изъ ораторовъ, г. Судзиловскій, — названный въ „Впередѣ“ „русскимъ“, изъ Могилевской губерніи, т. е. изъ Бѣло-

руссіи. Онъ сказалъ было, что „не смотря на симпатіи къ польскому движенію 1863 г., онъ не могъ не замѣтить, что на его родной народъ (какой? бѣлорусскій? русскій? польскій?) далеко не былъ на сторонѣ революціи; напротивъ, крестьяне перѣдко шли открыто противъ возставшихъ, видя въ нихъ бунтующихъ пановъ. По его мнѣнію, „польская революція (1863) была революціей шляхты, а не народа, — и въ этомъ причина ея неудачи.“ Но и г. Судзиловскій, судя по крайней мѣрѣ по отчету „Впередѣ“, не поставилъ вопроса: что же такое это „родина“? — Польша или нѣтъ? — и можетъ ли быть въ ней какая бы то ни было *польская* революція иная, кромѣ революціи шляхты? Онъ сказалъ только, что польскіе революціонеры не должны забывать, что если польскому дворянству и буржуазіи надоѣло московское иго, — то не менѣе надоѣло польскому народу (гдѣ? въ Бѣлоруссіи?) иго шляхетское (г. Судзиловскій могъ бы сказать въ соответствии словамъ „иго московское“, — бѣлорусскому народу надоѣло иго польское“, и что „луть социальной революціи есть единственный путь для польскаго народа“ (а для бѣлорусскаго?) Однако и такое замѣчаніе вызвало, по словамъ отчета въ „Впередѣ“, „возраженіе г. Врублевскаго, ссылавшагося на цифры“ — и г. Судзиловскій „на это отвѣчалъ, что его воззрѣнія сложились лишь на основаніи видѣннаго и слышаннаго въ той мѣстности, гдѣ онъ жилъ“ (т. е. въ мѣстности губерніи). Этимъ разговоръ и кончился! Редакція „Впередѣ“ съ своей стороны заявила въ общихъ словахъ привѣтъ „той группѣ польской эмиграціи, которая рѣшительно отказалась отъ старой, чисто-политической агитаціи для народно-соціалистическихъ началъ, распространенныхъ на все племена, на все языки такимъ образомъ, чтобы свободная будущность польскаго народа была обезпечена международнымъ социальнымъ переворотомъ“. Но замѣчаніе это теряетъ двѣ трети своей цѣны именно по своей абстрактности, — такъ какъ, конечно, для польскаго народа всего интереснѣе социальный переворотъ среди народовъ ему сосѣднихъ, въ томъ числѣ, среди народовъ: литовскаго, бѣлорусскаго и украинскаго. А о нихъ то ни однимъ словомъ не было упомянуто ни на банкетѣ, ни въ газетѣ, его описавшей.

Если заявленія польскихъ и великорусскихъ ораторовъ на первомъ банкетѣ страдали преимущественно боязливымъ неясностью, то рѣчь великорусскаго оратора на второмъ банкетѣ, — въ память возстанія 1831 г. носила на себѣ характеръ явнаго отклоненія даже отъ заявленій на первомъ банкетѣ, въ сторону стараго польскаго патріотизма. Прежде всего, совсѣмъ даже не понятно, зачѣмъ понадобилось социалистамъ и при томъ не-полякамъ праздновать годовщину возстанія 1830 г., которое по имѣло въ себѣ даже той демократической доли, которая все таки была въ возстаніи 1863 г. На второмъ банкетѣ полякъ, рабочий Якубовскій прямо сказалъ, что революція 1831 г. была „панская“, — и слова его остались безъ возраженій. Тѣмъ не менѣе со-

циалисты поляки, а также немцы и великоруссы, приняли участие в праздновании памяти об этой революции. Ряд речей открыли чтением заурядного заявления К. Маркса и Энгельса о „необходимости независимости Польши“, как одного „из основных камней освобождения европейского пролетариата!“ Две речи г. Врублевского, французская и польская, отличались решительностью своих заявлений в пользу социализма,—но неполнотою и неясностью их частных приложеній к тем странам, о которых ему пришлось говорить. Оратор заявил, что только „социально-демократическая партия может внести гармонию в мир славянских народов в Австрию“,—но не сказал ничего в частности относительно народов польского и украинского в самой интересной для поляков стране в этой Австрии. О России г. Врублевский сказал,—что в ней „единственная партия, имеющая для поляков значение, это партия социально-демократическая“—что „польский и русский народы должны воззвать вместе, как наши отцы говорили: за нашу и вашу волюность“. Но о существовании других народов в России польский оратор не упомянул,—а между тем польский и русский народы могут „подать друг другу руки“ только при посредстве народов украинского, белорусского, латышского и литовского, из которых два последние не только не польские, ни русские, но даже и не славянские. Все такие умолчания главного оратора банкета отняли у последнего всякое реальное значение, как оно мог бы иметь, как один из сигналов будущей деятельности новой польской партии, которая должна бы начать с радикального разрыва со всеми старыми историческими партиями.

Великорусский оратор, г. Лавров, начал свою речь с восклицания: „Товарищи-социалисты!“ и затѣм спрашивает: „Итъ ли противорѣчія в томъ, что мы сошлись поминуть добрымъ словомъ борцовъ 1830 г. за польскую національность? Не должны ли мы, во имя международного рабочего социализма, знамя котораго есть наше знамя, отречься отъ прошедшаго, разорвать связь с традиціей политической, національной борьбы?“—и отвѣчает: „Нѣтъ! Потому что международный социализм не есть отречение отъ исторіи; онъ есть, напротивъ, продуктъ всей предыдущей исторіи“,—и затѣмъ перечисляетъ историческіе примѣры борьбы съ деспотизмомъ и во имя свободы совѣсти, свободы политической, национальной, пока люди помнили, что все виды свободы достигаются при успѣхѣ международной социально-демократической борьбы. Г. Лавровъ вспоминаетъ и римскихъ рабовъ, и английскихъ Лоллардовъ, французскую Жакерию, крестьянскую войну в Германіи, Богумиловъ в Болгаріи, Таборитовъ в Чехіи, Джордано Вруно, Социалистъ и т. п. историческихъ дѣятелей, какъ своихъ „историческихъ предшественниковъ“, и приходитъ къ заключенію, что „мы, социалисты, можемъ съ полнымъ правомъ

почитать въ ряду ихъ и борцовъ за независимость польскаго народа“.

Конечно, это право могло бы быть доказано и съ меньшимъ количествомъ историческихъ примѣровъ. Но если уже понадобилось перечислять „историческихъ предшественниковъ“ славянскихъ социалистовъ, то не странно ли, что рядомъ хоть съ Богумилами ораторъ не поставилъ напр. борьбы белорусскихъ и украинскихъ Братствъ, въ союзѣ съ протестантами противъ католической уни въ старой Польшѣ и Литвѣ,—или рядомъ съ Таборитами не упомянулъ напр. „Товариства (коммуны) запорожскаго“, которое, кстати сказать, и самый строй Таборами заимствовало отъ чешскихъ таборитовъ, которыми ходили помогать наши волинцы и подоліе в XV в. Конечно, такіе напоминанія все равно, что тѣнь Банко на банкетахъ польскихъ историческихъ патріотовъ,—но собранію людей, отрѣкшихся отъ старыхъ предразсудковъ, эгихъ напоминаній нечего было бояться. Забытъ же совсѣмъ о казакахъ, не только объ украинскихъ, но и о великорусскихъ, г. Лаврову было нѣсколько странно, хоть бы въ виду того, что в I т. „Впередѣ“ была помѣщена статья, въ которой проводится параллель между возстаніемъ С. А. Соединенныхъ Штатовъ за независимость и Пугачевщиною, и послѣдней отдается предпочтеніе, какъ болѣе близкому историческому предшественнику русскаго социализма. Кому же и чему оказать любезность г. Лавровъ своимъ умолчаніемъ? Ничему, какъ только польскому консервативно-историческому патріотизму! *)

Все такіе любезности и уступки, сопро-

*) Простою любезностью къ самолюбію польскихъ національ-либераловъ слѣдуетъ объяснить и слѣдующія слова г. Лаврова: „Соціалізмъ XVI XVII вѣковъ, которые изъ цѣлаго міра съ одной Польши находили убѣжище, и тамъ въ Раковѣ, въ „сарматскихъ Афинахъ“, и послѣ въ своихъ скитаніяхъ, проповѣдывали то ученіе, которое должно было сдѣлаться религіей Вольтера, Пристеля, Чешинга“. Если бы Польша дала прочное убѣжище социализму, то имъ нечего бы было и скитаться, какъ говоритъ г. Лавровъ, *nosse*. Все дѣло въ томъ, что Польша была временнымъ убѣжищемъ социализма, какъ была имъ и Швейцарія (особенно Базель), пока ортодоксы разныхъ вѣроисповѣданій не разбирали, чѣмъ нахлестъ ихъ ученіе, и гораздо меньше, чѣмъ напр. Трансильванія. Вскорѣ, однако, польское правительство послѣдовательнымъ рядомъ актовъ, принятыхъ именно въ то время, когда уже повсюду на Западѣ смѣгнулся духъ религіознаго преслѣдованія (въ 1632, 1650, 1658, 1660 гг.) уничтожило въ Польшѣ эту секту, между тѣмъ какъ въ Трансильваніи она получила признаніе въ ряду четырехъ другихъ религіозныхъ партій въ 1571 г. и сохранилась до сихъ поръ. Въ Трансильваніи бѣжали социализмъ и изъ Польши, а также въ Пруссію и Голландію, гдѣ полякъ-социалистъ Любинскій продолжалъ изданіе раковской *Bibliotheca fratrum polonorum*. Польскимъ считается замѣтить, что между социализмами въ старой Польшѣ и Литвѣ были и белоруссы,—какъ напр. Будный, защитникъ сохраненія белорусскаго языка среди ополячившейся шляхты,—и украинцы, какъ напр. Сичовъ, Немчиричъ и пр. Изъ послѣднихъ проповѣдывалъ и извѣстный казакскій полковникъ, авторъ галицкаго договора 1638 г., по которому въ Украинѣ и въ Белоруссіи должны были быть учреждены университеты съ свободою преподаванія, дана свобода открытія гимназій, типографій и свобода печати. Этотъ Немчиричъ самъ долженъ былъ бѣгать отъ польскихъ законовъ въ Голландію.

вождаемая ни къ чему не обязывающими фразами о солидарности,—дѣло весьма обычное на международныхъ праздникахъ и особенно въ эмигрантскихъ кружкахъ, гдѣ онъ очень часто произносится въ силу правила: „кукушка хвалитъ пѣтуха за тѣмъ, что хвалитъ онъ кукушку“. Но въ данномъ случаѣ участвовали слишкомъ серьезные люди и при томъ представители двухъ начинающихся движеній, а потому всего полезнѣе для обоихъ было бы, безъ всякаго лавирования, поставить крупныя точки на все і сложнаго польскаго вопроса. Повторяемъ, большой бѣды все эти лавированія никому не причинили,—но все таки они задержали среди склонныхъ къ социализму поляковъ развитіе идей, исполнѣ радикально разрывавшихъ съ старыми польскими политическими стремленіями, и порождали въ польскомъ, если не въ великорусскомъ, обществѣ все таки довольно вредныя недоразумѣнія. Такихъ недоразумѣній было напр. то, что галицко-польскія шляхетско-буржуазныя газеты долго говорили о „Впередѣ“ съ большою симпатією, и самъ „Впередъ“ (1875, № 17) перепечаталъ отзывы о русскихъ социалистахъ одной изъ нихъ, „*Dziennika Polskiego*“, (кстати сказать, одной изъ самыхъ потерпимыхъ къ русскимъ). Эта газета заявила, что сама не признаетъ социалистическаго идеала, но полагаетъ, что будущая революція въ Россіи (*w Moskwie*) будетъ социальная и говорить съ большою симпатією о русскихъ (*moskiewskich*) революціонерахъ. Если, по словамъ „*Dz. Polsk.*“ (1877, № 278) „московскіе революціонеры пужаются въ полякахъ, какъ поляки въ московскихъ революціонерахъ“,—то при заявленіи выше несогласія въ идеалахъ, очевидно, желаемый газетою союзъ долженъ бы былъ страдать всеми слабыми сторонами союза 1863 г.,—и „будущая социальная революція“ въ Россіи могла быть интересна парти „*Dziennika*“ только какъ „смути“.

Подобныя, крайне вредныя для „московскихъ революціонеровъ“ заявленія симпатій со стороны шовинистскихъ галицко-польскихъ газетъ прервались только тогда, когда въ Галицію проникло дѣйствительное „непримиримое“ для тамошнихъ господствующихъ классовъ (поляковъ) украинское социалистическое движеніе, которое тамошнія польскія газеты, по своему обыкновенію, объявили было новымъ видомъ „московской интриги“. Съ тѣхъ поръ,—со времени львовскихъ процессовъ 1877—1878 гг.,—польскіе шляхетско-буржуазные органы стали со злобою говорить и объ издателяхъ „Впередѣ“, помѣщая ихъ, вмѣстѣ съ украинскими дѣятелями, въ разные фантастическіе комитеты, будто бы посылающіе изъ Женевы и Лондона своихъ агентовъ въ Галицію для посяванія смуты сначала между русскими, а потомъ и между поляками *). Но и тогда „*Dziennik Polski*“, —

*) См. особенно *Gazeta Narodowa* 1877, № 137 (о пропагандѣ „наистрашнѣйшаго терроризму“ и „разбойничьимъ социализмъ московскимъ“), а также въ *Dz. Polskim* 1877, № 133. Галицко-поль-

поражая издателей жевевских украинских брошюр, противопоставляя имъ „истинныхъ московскихъ революціонеровъ (iście gewolucyjne organy moskiewskie), которые-де выступаютъ противъ жевевскихъ украинцевъ за ихъ „непрязненное отношение къ полякамъ“, — т. е. собственно къ польской шляхтѣ и къ польскимъ государственнымъ порядкамъ въ Галиціи. (Подъ этими „органами“, по всей вѣроятности, разумеется „Набатъ“).

Теперь, когда дѣятельность „московскихъ нигилистовъ“ принимаетъ болѣе политическое, чѣмъ социально-экономическое направление, отзывы о нихъ польскихъ газетъ становятся опять болѣе симпатичны, — и когда, какъ слѣдуетъ непремѣнно ожидать, въ польскихъ областяхъ Россіи поднимается опять національно-политическое движеніе, то ученіе о томъ, что „московскіе революціонеры луждаются въ польскихъ патріотахъ, какъ польскіе патріоты въ нихъ“, конечно, опять должно пойти въ ходъ. По скольку тутъ дѣло идетъ о дѣйствительно польскомъ народѣ и вопліи законныхъ требованій поляковъ, — въ предѣлахъ этнографической Польши, — ученіе это вполне основательно. Но по скольку тутъ идетъ дѣло объ историческомъ и даже шовинистическомъ патріотизмѣ польскомъ, — отъ догматовъ котораго не думаютъ отступать ни на юту галиціи польскія газеты, — ученіе это заключаетъ въ себѣ зародышъ ошибокъ, подобныхъ тѣмъ, какія были сдѣланы въ 1863 г. Вотъ тутъ то и нужно „московскимъ революціонистамъ“ избѣгать такихъ неясностей, умолчаній и любезностей, какія мы видѣли въ отношеніи къ Польшѣ во „Впередѣ“, а равно остерегаться такихъ заявленій, какія были сдѣланы подъ однимъ изъ почтеннѣйшихъ именъ въ русской революціонной средѣ на жевевскомъ митингѣ 30 ноября 1880 г. въ памяти польскаго возстанія 1830 г., — въ словахъ: „я не знаю, какъ глубоко вкоренены въ Польшѣ національныя чувства, и насколько могутъ они препятствовать развитію социалистическаго движенія. Наши товарищи поляки, которые дѣйствовали въ Польшѣ, надѣются, что чувства эти препятствуютъ этому движенію не могутъ, и мнѣ кажется, что мы можемъ имъ вѣрить. А если они и ошибаются, — такъ что жъ изъ этого? Ежели національное возстаніе еще разъ вспыхнетъ въ Польшѣ, тогда слишкомъ поздно будетъ противудѣйствовать ему посредствомъ какой бы то ни было социалистической пропаганды. Тогда и они (польскіе социалисты), можетъ быть,

скія газеты пробовали сначала отдѣлать „московскихъ разбойниковъ-нигилистовъ“ отъ нѣмецкихъ социалистовъ, но когда пронесся слухъ, что и эти послѣдніе предпринимаютъ социалистическую пропаганду на польскомъ языкѣ въ Познань, — то обрушились и на нихъ, не смотря на всѣ ихъ симпатіи „возстановленію Польши“. Тревога, однако, оказалась совершенно напрасною: „германская социальная демократія“ такъ и не собралась на изданіе польской социалистической ни газеты, ни даже брошюры для поляковъ, входящихъ въ составъ германскаго государства. Для этого надо было самихъ поляковъ, да еще изъ Россіи. Фактъ — поучительный для сторонниковъ государственныхъ основъ для федеративнаго социалистическихъ партій.

примутъ участіе въ этомъ возстаніи, — и мы, можетъ быть, примемъ въ немъ участіе. Тогда это будетъ уже дѣло не убѣжденій, а чувства, темперамента!“ (Biblioteka „Równości“, t. I, 71, Mowa ob. Wiary Zasulicz).

Мы считаемъ излишнимъ повторять здѣсь слова Чернышевскаго о недостаточности однихъ чувствъ, а тѣмъ болѣе темперамента для вѣрнаго направленія политической дѣятельности. Но совершенно уместно будетъ замѣтить по поводу этихъ словъ, что единственное средство предохранить и будущее польское національное движеніе, и тѣхъ социалистовъ, польскихъ и русскихъ, которые „можетъ быть пристанутъ къ нему“, — это: всегда строго ставить себѣ и другимъ вопросъ о томъ, — гдѣ польское національное движеніе имѣетъ себѣ мѣсто, а гдѣ нѣтъ? т. е. вопросъ о границахъ настоящей Польши, — а также никогда не ставить польскаго вопроса только между Польшей и Россіей, поляками и великорусами (русскими, rossyjanami), — а между поляками и литвинами, латышами, бѣлорусами и украинцами, — т. е. и въ томъ и въ другомъ случаѣ поступать не такъ, какъ поступалъ „Впередъ“ и ораторы жевевскаго митинга 1880 г.

Единственное средство дать здоровое направление польскому національному чувству въ вопросахъ организаціи политической и социалистической революціи, — это организація политическихъ и социалистическихъ партій для націй плебейскихъ въ бывшей Польшѣ, — а именно партій литовской, латышской, бѣлорусской и украинской, на совершенно равной ногѣ съ партіями польскими и великорусскими. И наибольшая услуга, какую могли бы оказать „русскіе“ революціонеры и социалисты своимъ польскимъ друзьямъ, — если уже не говорить о народахъ, — это способствовать организаціи вышеупомянутыхъ партій. Правда что для этого имъ слѣдуетъ изъ радикально отрѣшиться отъ своихъ національно-государственныхъ предразсудковъ и согласиться на раздѣлъ того, что имъ кажется единою Россіей и едино-русскимъ.

Но такое отрѣшеніе и такое согласіе развиваются и среди „русской интеллигенціи“ также туго, какъ и среди польской. Это подтверждается, кромѣ всего сказаннаго выше, судьбою среди другихъ группъ русскихъ социалистовъ 70-хъ годовъ той группы, которая всего болѣе хотѣла остаться вѣрною направленію, данному Бакунинымъ. Мы разумѣемъ ту группу, которая издавала въ 1874 г. въ Женевѣ газету „Работникъ“, — первый опытъ великорусской социалистической газеты для рабочихъ. Между прочимъ редакціей „Работника“ издана была книга „Сытые и Голодные“, по нашему мнѣнію, вмѣстѣ съ брошюркою „Хитрая Механика“, лучшая до сихъ поръ популярная социалистическая книга на великорусскомъ языкѣ. Въ книгѣ этой, представляющей опытъ изложенія исторіи пролетариата, довольно послѣдовательно проведена анархическая, федеративная точка зрѣнія и относительно исторіи Россіи: областному эле-

менту указано надлежащее мѣсто; борьба украинцевъ съ Польшою и московская централизація освѣщены вѣрно; даже польское возстаніе 1863 г. и участіе въ немъ великорусскихъ демократовъ объяснено тоже довольно вѣрно, во всякомъ случаѣ съ должной критикою. (стр. 409-412). Послѣднее тѣмъ болѣе интересно, что въ редакціи „Работника“ принималъ участіе г. Н. Жуковский, великорусецъ, который въ свое время былъ судимъ за раздачу прокламаций къ арміи, благоприятныхъ польскому возстанію. „Работникъ“, конечно, не смогъ взять на себя инициативы изданій для народа на другихъ языкахъ, кромѣ великорусскаго, и остался собственно не общерусскою, а только великорусскою газетою, но въ его типографіи была напечатана и прокламація на украинскомъ языкѣ „Золота Грамота“, (правда, не вполне удачная) составленная лицами, которыя хотя и пристали къ великорусскимъ социалистамъ, но которыя не совсѣмъ забыли, что украинскій народъ представляетъ свои особенности по крайней мѣрѣ хоть по языку. Но на этомъ и окончились попытки дифференцірованія русскихъ анархистовъ въ Женевѣ. Они не только не дошли до всероссійской федералистической организаціи, но не поставили и общаго вопроса о ней, хоть такъ, какъ пробовалъ было ставить его Бакунинъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ скоро оказалось, что и въ томъ своемъ видѣ, въ какомъ сложилась группа „Работника“, она не встрѣтила поддержки въ Россіи, въ которой изъ всѣхъ социалистическихъ фракцій, фракція „Работника“ оказалась самою слабою численностью, и потому должна была скоро прекратить свои публикаціи.

Въ 1878 г. нѣкоторые члены изъ редакціи „Работника“, вмѣстѣ съ другими лицами, попробовали было основать въ Женевѣ газету „Община“. Эта послѣдняя въ своей программѣ помѣстила нѣсколько строкъ, которыя показывали намѣреніе вывести „русскую социальную-революционную партію“ изъ обрусительнаго унитаризма „Набата“ и „Впередъ“*). Въ статьѣ г. Жуковскаго „Реформы и революція“ сдѣлана была еще болѣе рѣшительная попытка указанія необходимости народно-областной дифференціаціи дѣла социалистической пропаганды въ Россіи и оцѣнка значенія заявившаго уже тогда себя украинскаго социалистическаго движенія, между прочимъ какъ такого, которое выходитъ за предѣлы Россійскаго государства, а потому тѣмъ болѣе не можетъ быть уложено въ рамки Россійской социаль-демократіи. Г. Жуковский писалъ:

„Мысль о благодѣтеляхъ, о диктаторахъ, о комитетахъ, предписывающихъ движеніе сверху внизъ, отходить въ область прошлаго вмѣстѣ съ старымъ понятіемъ о самой революціи.

„Движеніе должно совершаться уже самими дѣйствующими, должно идти съ низу вверхъ, отъ частнаго къ общему, отъ сек-

*) Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ теперь подъ рукою программы „Общины“ и не можемъ привести подлинныхъ ея словъ, въ которыхъ она признаетъ необходимость областно-національныхъ организацій социалистовъ въ Россіи.

ции к федерации, области секций; от областной к национальной, от национальной к мировой.

„В политике, в государстве, фикция государственная стирает личность, уничтожает ее. La maison d'Etat, как финикийский молодец, пожирает своих собственных детей, отнимая у них личность. В положительной организации, в общественной организации труда, каждый работник, каждый член общества становится, напротив, сознательной личностью; не он существует для организации, а организация для него.

„Такова революционная мысль, с которой в позднейшее время молодежь наша пошла в народ.

„В молодежи украинской автономия и демократическая идея проявились с новой силой в конце шестидесятых годов; малороссийские революционеры на этот раз больше решительно примыкают к общеевропейскому федеративному социализму.

„Украинская молодежь выбита из узкой колеи пропаганды в одной только русской Украине; она выступает в открытое, влиятельное государственное, интернациональное поле. Ошибся Александр Николаевич: он думал разом положить конец революционной пропаганде, а она не только выросла в Украину русской, но вошла в пределы его соседа-союзника, австро-венгерского императора. Так-то сложилась украинская социалистическая партия. В силу самих обстоятельств она должна быть федеративная: с одной стороны, она федерируется с федералистами-революционерами России, с другой с западно- и юго-славянскими революционерами, польскими и всякими другими социалистами-революционерами, принимающими федерализм за основу организации.

„В этом новом движении зародыши будущего народов, скованных железной лапой всероссийского императорства. В пылшей официальной России „всероссийского“ ведь только и есть, что царь, солдат, поп, чиновник и помещик, патрон да купец; эти разнообразные факторы власти однородны и можно назвать их не только всероссийскими, но и всемирными. У русского правительства есть русский жандарм, русский шпион, а народа всероссийского нет.

„Без Грузии, Армян и безчисленного множества ипородцев, которых считать всероссийскими позволительно только ставшему приставу, в пределах империи живет 36,000,000 великоруссов, 14,239,000 малоруссов, 4,749,212 поляков да 4,000,000 белоруссов. У каждого из этих народов свое бытовое устройство, свой земледельческий строй; каждому из них нужно, следовательно, не только предоставить право внутреннего самоуправления, но и всем им предоставить право федерации, как она может сложиться по их собственной инициативе. Официальная Россия, раздвинувшая завоевание Ермака до Восточного океана, подчинила и всю северную Азию

власти всероссийского станового, а между тем в недалеком будущем интересы восточной Сибири потянут больше к Союзным Штатам, чем к Петербургу или Одессе.

„Москвич, поляк, украинец, сибиряк друг другу не указчики, а товарищи. Теперь они все живут под гегемонией великоруссов и называются русскими народом, потому именно, что над ними русский становой; исчезнет становой, и все эти народы будут предоставлены самим себе, а в каких пределах и как они федерируются друг с другом, это может показать только практика.

Но и федерализм и анти-государственность „Общины“ не встретили сочувствия в „русских“ социалистических кругах. Сама „Община“ должна была поместить без всяких оговорок со стороны редакции статью г. Як. Степановича об украинском сборнике „Громада“. В статье этой все указания „Громады“ на недостаток должной дифференциации в действиях и даже в литературной деятельности великорусских социалистов, взявшихся работать на всем пространстве России, населенной разными народами, и о несправедливости такого образа поведения относительно невеликорусских народов, признаны были неосновательными, и продиктованными недоброжелательством и узким национализмом; положение для в русской социально-революционной партии таким образом признано было вполне нормальным, не требующим реформ. Вскорь за тем один из видных великорусских социалистов, г. П. Л. (Jahrbuch für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik, 1879, I, 275) укорил „Общину“ и за те уступки, какие она позволила себе сделать в своей программе народно-федеральному направлению; он увидел в этих уступках „открытие страниц „Общины“ южнорусским националистам“ (??) *). Когда писан был этот укор, „Община“ уже перестала существовать, — и никакой другой „русский“ орган не говорил уже о необходимости дифферен-

*) Jahrbuch für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik, 1879, I, 275: „Община“ считает особенно необходимым, чтобы внутри русского государства действующая группа устроилась как союз отдельных „национальных“ групп, вместо того чтобы, как прежде все социалисты (русские, конечно) образовывали массу, не смотря на национальные различия великоруссов, малоруссов и поляков. Таким образом этим (заявлением) редакция открыла свой листок и (auch) южнорусским националистам. Г. П. Л. не захотел обратить внимания на то, что ненормальность прежнего положения для состояла не в том, что в русские социалисты поступали люди без различия национальностей, а в том, что все они приспосаблились к работе для одной только государственной национальности. Союзная областно-национальная организация не только не исключает своего интернационализма, (не только по цели, но и по составу партии), — а напротив справедливо осуществляет „требования“ интернационального социализма. Те, которых г. П. Л. угодно было назвать „южнорусскими националистами“ были именно противниками национальной монополии. (Подробнее см. об этом в нашей заметке Der kleinrussische Internationalismus, в том же Jahrbuch, т. II).

циации в деятельности „русских“ социалистов.

Таким образом попытки народно-федералистической реакции против идеи государственно-националистической централизации в великорусской социалистической литературе проявились очень слабо и скоро заглохли, — а тем самым оказалась невозможность для так называемой русской социально-революционной партии сделаться из частной великорусской партии действительно всероссийской, и вполне интернациональной партией, посредством дифференцирования сверху вниз. Правда, после сделанных со стороны украинских социалистов замечаний, не только „Вперед“, но и „Набат“ признали в теории необходимость локализации и даже „национализации средств“ пропаганды социализма в России. „Вперед“ в т. V (новой редакции) должен был даже признаться, что напр. „Громада“ вполне верно указала недостатки в деятельности „русских“ социалистов: „шаблонность приемов, слабое внимание к местным особенностям“ и т. п., но только объяснял эти недостатки не так, как „Громада“, т. е. не теми причинами, какие мы указывали и в настоящих статьях, — а лишь малочисленностью русских социалистов, — и обещал, что „все эти недостатки со временем исчезнут. Ряды социалистов возрастут и каждый из них найдет себе место среди населения, с которым ему наилучше сблизиться. Никто не пойдет тогда проповедывать социализм полякам на еврейском языке, малорусам на чухонском (!). Практикой постепенно вырабатываются приемы для местной пропаганды, — несколько отличные от приемов пропаганды в другой местности“ (Вперед, V, 161—162). Но все такие признания не вели за собою никаких практических последствий. Напр. весь период пропаганды социализма в России посредством брошюрок прошел без того, чтобы русскими социалистами издана была хоть одна строчка, приспособленная, — по языку и по содержанию, к какой бы то ни было местности, кроме великороссийской. Исключение составляет разве упомянутая выше женевская „Золота Грамота“. Между тем некоторые лица, появившиеся в русские социалистические круги из тех, в которых еще держались традиции украинского движения 60-х годов, чувствовали необходимость пропаганды и социализма на народных языках и старались проводить эту идею и среди русских социалистов, но совершенно безуспешно. Еще в 1874 г. мы видели в Петербурге рукопись украинского перевода „Хитрой механики“, — которую после испрошения ее со стороны языка, одним „украинофилом“, который относился скептически к задуманному тогда „хождению в народ“, но счел себя обязанным оказать помощь делу, во всяком случае искренно задуманному, — была отправлена в Лондон для издания, — которого так и не дождалась ни от старой, ни от новой редакции „Вперед“, типография которого, поддержи-

ваемая между прочимъ и на средства, шедшая съ Украины, напечатала столько великорусскихъ книжекъ*). Еще въ началѣ 1874 г. однимъ изъ самыхъ почтенныхъ людей процесса 193 русскихъ социалистовъ, чело-вѣкомъ, въ которомъ первая демократическая идея, — (какъ и у многихъ южанъ) — были поселены украинскимъ движеніемъ 60-хъ годовъ, — была составлена брошюрка на украинскомъ языкѣ: „Правдиве слово хлѣбороба до своїхъ земляків“ и передана одному южному „русскому“ кружку для напечатанія, — по она была напечатана только въ 1876 г. „украинскими“ социалистами. Эти послѣдніе увидѣли необходимость совершенно отдѣльной отъ „русскихъ“ организаціи, какъ единственнаго условія для того, чтобы издавалось и дѣлалось хоть что нибудь, приспособленное къ пропагандѣ социализма среди украинскаго населенія, и чтобы такимъ образомъ Украина не была только оброчною статьею и для великорусскаго социалистическаго движенія, какъ была она и есть оброчною статьею для великорусскаго государства**).

Такимъ образомъ жизнь научила, что дѣйствительно всероссийскую, интернационально-федеральную партію и для пропаганды социализма въ Россіи надо образовывать не сверху внизъ, а снизу вверхъ, приготовляя для нея сначала частныя, областныя и національныя элементы, которые уже потомъ должны будутъ сфедерироваться. Хотя такой способъ и неизбежно сопряженъ съ болѣе борьбы и временнаго раздробленія, которыхъ, конечно, лучше было избѣжать, — но, кажется, такой ходъ дѣла самый естественный и общающій на-

*) По показанію автора передовой статьи въ 1 № „Общины“, лица довольно компетентнаго, въ Россіи было распространено нѣсколько десятковъ тысячъ этихъ книжекъ.

**) Рецензентъ „Громады“ въ „Общинѣ“ объясняетъ отсутствіе печатанія всероссийскими социалистами книгъ на иномъ языкѣ, кромѣ великорусскаго, тѣмъ, что напр. „южнорусскіе социалисты всегда придавали несравненно большее значеніе устной пропагандѣ, чѣмъ книжной.“ Это опять одно изъ такихъ же изобрѣтеній российской „самобытности“, какъ и раздѣленіе языковъ, на манеръ „Русск. Соц. Рев. Библиотеки“: одинъ — для „интеллигенціи“, другой для „народа“. На гниломъ Западѣ понимаютъ: что безъ книжной пропаганды иѣтъ и устной, какъ безъ книгъ для „интеллигенціи“ иѣтъ книгъ и для „народа“. Но посмотримъ, какъ стояло дѣло употребленія народнаго языка и въ устной пропагандѣ у „южнорусскихъ социалистовъ“. Въ „Воспоминаніяхъ пропагандистки“ читаемъ: „языкъ малорусскій мнѣ былъ плохо извѣстенъ“; изъ „Чигиринскаго дѣла“ 1876 г., описаннаго въ „Черномъ Передѣлѣ“ № 1—2, узнаемъ, что дѣйствующіе тамъ русскіе социалисты, украинскіе уроженцы, проповѣдывали организацію „тайной дружины“, не зная, что по-украински „дружина“ значитъ — *любовнича-невняна*! По части приспособленія къ мѣстнымъ нравственнымъ особенностямъ это чигиринское дѣло тоже характерно: въ немъ пущенъ былъ въ ходъ пріемъ самозванщины, котораго, какъ видно изъ № 3 „Черн. Пер.“, нѣкоторые лица не оставили и до сихъ поръ. Между тѣмъ этотъ пріемъ совершенно противенъ всѣмъ преданіямъ украинскимъ, среди которыхъ можно найти зацѣпки не только для болѣе чистыхъ, но и болѣе республиканскихъ пріемовъ. Но на бѣду ознакомленіе съ украинскимъ языкомъ и преданіями, научнымъ способомъ, а не налетомъ, считалось многими (въ томъ числѣ и упомянутымъ рецензентомъ „Общины“) дѣломъ „буржуазнымъ“, а не революционнымъ!

иболѣе прочныхъ результатовъ, — ибо, какъ это ни грустно, — по нужно сознаться, что вообще родъ человѣческій хромаетъ по части синтеза, — и что и то еще надо счесть за счастье, если въ немъ есть достаточно людей, способныхъ хоть къ анализу!

Прежде всего сьорганизовались совершенно отдѣльно отъ „русскихъ“ социалисты украинскіе, начавши съ 1875 г. печатать свои изданія въ Вѣнѣ, потомъ въ Женевѣ и Львовѣ. Съ 1878 г. появляются социалистическія брошюры новыхъ польскихъ социалистовъ и за тѣмъ программа „польскихъ социалистовъ“. Около того же времени принимаются за свою организацію и бессарабскіе выходцы въ Румынію. Наконецъ въ 1880 г. въ Женевѣ печатается воззваніе отъ „группы социалистовъ-евреевъ“, предполагающее печатаніе книгъ для пропаганды среди еврейскаго рабочаго населенія на Востокѣ Европы, на живыхъ его языкахъ (въ 1877 г. была сдѣлана покойнымъ Либманомъ попытка социалистическаго изданія на древнееврейскомъ языкѣ). Характеристично, что всѣ эти зачатки новыхъ организацій не только имѣютъ себѣ цѣлью не великорусское населеніе, но, вслѣдствіе расположенія тѣхъ населеній, которыя они избрали себѣ за поле дѣйствія, — выходятъ и за предѣлы русскаго государства. Это обстоятельство дѣлаетъ еще болѣе труднымъ признаніе необходимости этихъ организацій со стороны тѣхъ, кто привыкъ видѣть всякаго „русскаго подданнаго“ погруженнымъ въ заботы и работы, исключительно помѣщающіяся въ рамкахъ государства Романовыхъ, въ которомъ дѣйствительно помѣщаются всѣ почти великоруссы, за исключеніемъ небольшого числа раскольниковъ. Вотъ почему названныя невеликорусскія организаціи должны были вызвать тѣмъ большую реакцію въ „русскихъ“ социалистическихъ кругахъ. Даже и теперь снисходительность литературныхъ представителей послѣднихъ напр. къ украинскимъ социалистамъ не идетъ дальше признанія ихъ „фракціей русскаго социализма“ (см. воззваніе, — первое, — объ изданіи „Русск. Соц.-Револ. Библиотеки“ или „Нѣсколько словъ объ организаціи партіи“ г. П. Лаврова въ „Черномъ Передѣлѣ“ № 3), — на каковое званіе украинскіе социалисты вдвойнѣ не могутъ согласиться, такъ какъ украинское населеніе не фракція русской (великорусской) націи, а отдѣльная нація, — и такъ какъ ихъ работа въ Австро-Венгріи выводитъ ихъ за границы „русскаго“ государства. Не очень же давно самая мысль о сколько нибудь самостоятельной организаціи украинцевъ, и даже, какъ это ни странно, — мысль о печатаніи книгъ на украинскомъ языкѣ, считалась у большинства „русскихъ“ социалистовъ за противный социализму „націонализмъ“. Также само была встрѣчена (хотя и не въ литературѣ) и мысль объ организаціи бессарабскихъ румынъ. Кто бы этому не повѣрилъ, тому любопытно было бы послушать пренія на жепевскомъ собраніи, созданномъ „группою социалистовъ-евреевъ“ и нѣсколькими украинцами въ 1880 году для обсужденія мысли объ изданіи социалистиче-

скихъ брошюръ на разговорныхъ языкахъ евреевъ Восточной Европы. Казалось бы, какое возраженіе могла вызвать мысль объ изданіи той же „Хитрой Механики“ еще на одномъ человѣческомъ языкѣ, или, пожалуй, даже „жаргонѣ“? А между тѣмъ надо приписать только чрезвычайнымъ усиліямъ и такту лица, предсѣдательствовавшего на вышеупомянутомъ собраніи, что оно не окончилось крупнымъ скандаломъ. Съ такимъ озлобленіемъ отнеслись къ нему ораторы изъ русской и польской социалистической партіи, и особенно лица еврейскаго же происхожденія!).

Только мысль о вполнѣ самостоятельной организаціи „польскихъ социалистовъ“ не встрѣчала до сихъ поръ никакой оппозиціи со стороны социалистовъ русскихъ. Но за то среди „польскихъ социалистовъ“ сейчасъ же обнаружались элементы, которые раздѣлили съ русскими трудъ отрицательнаго отношенія къ мысли о необходимости существованія социалистовъ украинскихъ и даже отрицаніе существованія украинскаго народнаго элемента рядомъ съ польскимъ тамъ, гдѣ онъ несомнѣнно существуетъ, какъ напр. въ Галиціи**). Такое отношеніе со-сѣдей обусловило со всѣхъ сторонъ „военное положеніе“ украинскіхъ социалистовъ. Крайне непріятно это положеніе и тяжела палагаемая имъ борьба, — но разъ она дана реальными условіями жизни, отъ этой борьбы нельзя отказаться. Притомъ же самая эта борьба, уже ради расчета не остается одному въ полѣ воиновъ, заставляетъ украинцевъ поднимать на Востокѣ Европы народно-федеральную идею вообще, — поднять то знамя, которое держали въ своихъ рукахъ и великоруссы, въ родѣ Бакунина, но которое выпустили изъ рукъ ихъ близорукіе наслѣдники. Идея эта — *полное равноправіе негосударственныхъ націй съ государственными, организація для каждой изъ нихъ спеціальнаго корпуса дѣятелей политическаго и социальнаго освобожденія* и на первыхъ порахъ *пропаганда освободительныхъ идей на всѣхъ языкахъ, не только панскихъ, а и плебейскихъ, какъ самое дѣйствительное средство провести эти идеи въ массы населенія всѣхъ племенъ Востока Европы****).

Въ борьбѣ за эту идею украинцамъ придется имѣть противъ себя всѣ государствен-

*) Мы считаемъ себя вправѣ говорить объ этомъ собраніи, такъ какъ это былъ вполнѣ публичный митингъ, созданный печатными приглашеніями, и такъ какъ извѣстія о немъ проникли и въ газеты. Съ своей стороны мы ничего не имѣемъ противъ того, если бы кто нибудь хоть стенографически вѣрно напечаталъ то, что говорили на этомъ митингѣ мы и наши товарищи, равно какъ и ихъ возражатели.

**) Кто знаетъ сословно-экономическія отношенія правобережной Украины и кто знаетъ, что дѣло пропаганды социализма на Востокѣ Европы до сихъ поръ ведется почти исключительно людьми и вносами панскихъ классовъ, живущихъ, конечно, хлопскимъ трудомъ, тотъ пойметъ, что Украина должна была стать оброчною статьею и для польской социалистической пропаганды. Въ такомъ же положеніи находятся и Бѣлоруссія, и Литва, и земля Латышей.

***). Подробное развитіе этихъ мыслей см. въ „Громадѣ“, „Листкѣ Громады“, и въ „Вольномъ Союзѣ“.

но-национальные, централистические элементы: немецкие (Германия, Австрия и Остзейского края), великорусские, польские и венгерские, — начиная от консервативно-аристократических и до социально-демократических, но раньше или позже украинские социалисты-федералисты не только будут иметь за собою украинский народ, который и теперь все же представляет массу до 20.000.000 человек, но увидят рядом с собою федерально-социалистическую партию: эстонскую, латышскую, литовскую, белорусскую, словацкую, словенскую, румынскую, кавказскую, кружки еврейские (которые необходимы до слияния рабочего элемента еврейских колоний с окружающими их массами населения), — а также здоровые от государственно-национальной заразы элементы партий великорусских, польских, немецких и венгерских. Некоторые признаки такого светлого будущего видны уже и теперь.

М. Драгомановъ.

(Продолжение следует).

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

(Отъ нашего корреспондента)

Петербургъ, 6 ноября (25 октября).

Я имелъ на дняхъ, съ однимъ изъ опытныхъ и тонкихъ наблюдателей хода событий въ Россіи, разговоръ, который, кажется мнѣ довольно интереснымъ, чтобы сообщить Вамъ его вкратцѣ.

Я началъ разговоръ замѣчаніемъ, что вниманіе общества въ настоящую минуту, дѣлится по ровну между совѣщаніями свѣдущихъ людей и сокращеніемъ штатовъ въ придворномъ и военномъ вѣдомствахъ.

Это совершенно понятно, — сказалъ мой собеседникъ, — и то и другое затрогиваетъ самыя чувствительныя стороны нашей жизни. Мы все здѣсь болѣе или менѣе либералы и, въ тоже время, все болѣе или менѣе чиновники. Признаніе „выборныхъ“ людей льститъ нашимъ либеральнымъ инстинктамъ, приближаетъ насъ къ Европѣ, поощряетъ мечты наши о парламентѣ, ораторскихъ состязаніяхъ и возможности быстрой и блестящей карьеры пріобрѣтеніемъ популярности въ странѣ. Съ другой стороны, однако, мы или сами служимъ, или имѣемъ на службѣ отцевъ, дѣдей, родственниковъ, друзей, положеніе и будущность которыхъ приводится въ опасность предположеннымъ уменьшеніемъ окладовъ и сокращеніемъ штатовъ администраціи. И тогда какъ введеніе парламентскаго режима, въ глазахъ людей сколько нибудь благоразумныхъ, представляется только въ туманной дали, — потеря служебнаго мѣста и выгодъ съ нимъ сопряженныхъ является въ непосредственной близости.

— Таковы дѣйствительно заботы петербургскихъ либерально служившихъ круговъ, замѣтилъ я, — но чего можно ожидать для Россіи вообще отъ теперешняго призыва правительствомъ не служебныхъ дѣятелей?

— Немедленныхъ, практическихъ послѣдствій прядъ ли можно ожидать, — сказалъ Х. — теперешній министръ внутреннихъ дѣлъ видитъ въ

собраніи экспертовъ преимущественно средство удовлетворенія чувствуемой повсемѣстно въ обществѣ, и именно въ провинціальномъ, потребности поговорить объ общественныхъ вопросахъ, высказать свое мнѣніе и взгляды и заявить о себѣ передъ страной и передъ правительствомъ. Что работа ихъ не будетъ имѣть значительнаго вліянія на рѣшеніе даже вопросовъ подвергнутыхъ ихъ обсужденію, за это ручается общее настроеніе государственнаго совѣта и государственной канцеляріи; тамъ и теперь прямо говорятъ, что „мѣстные дѣятели“ не знакомы съ общегосударственными нуждами, съ ходомъ государственныхъ дѣлъ, заключеніями ими выработанными можно воспользоваться какъ матеріаломъ, конечно весьма полезнымъ, но который слѣдуетъ переработать съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ и высшихъ политическихъ соображеній; такимъ образомъ, мѣстные дѣятели, а черезъ нихъ и общество, будутъ довольны доставленной имъ свободой высказаться, хотя бы по небольшому числу вопросовъ, и честию быть выслушанными высшими административными и законодательными дѣятелями, послѣдніе же останутся не стѣсненными въ своихъ дѣйствіяхъ и рѣшеніяхъ.

Впрочемъ, — продолжалъ Х. — и придаю отрицательному результату совѣщаній мѣстныхъ дѣятелей болѣе значенія нежели положительному. Въ правительственныхъ кругахъ произвело впечатлѣніе то обстоятельство, что удовлетворивъ своей первой потребности высказаться, и высказавшись иногда съ жаромъ, эксперты становились болѣе осторожными, сдѣлали прибавить что таково ихъ личное мнѣніе, но что они не знаютъ какъ посмотреть на это земство, или что земство выражало такое или такое желаніе, и въ концѣ концовъ, все и каждый, — не только на формальныхъ совѣщаніяхъ, но и на частныхъ пріемахъ у правительственныхъ лицъ, — постоянно указывали на земство, на необходимость услышать обо всехъ вопросахъ касающихся русской земли голосъ цѣлаго русскаго земства.

Эта зависимость экспертовъ отъ земства, отъ страны, высказываясь, не вѣдѣвше ихъ преданности, а самою силою вещей, заставляетъ серьезно задумываться нашихъ администраторовъ; они понимаютъ, что съ дальнѣйшимъ обращеніемъ къ мѣстнымъ дѣятелямъ, ссылки на земство, указанія на необходимость созванія не однихъ отдѣльныхъ земствъ, а всерусскаго земства, станутъ чаще и сильнѣе. Правительство поставлено будетъ тогда передъ дилеммою: возвратиться къ прежнему рѣшенію всехъ вопросовъ административными силами, безъ участія какихъ бы то ни было силъ общественныхъ или признать невозможность далѣе распоряжаться судьбами Россіи по своему произволу и обратиться къ содѣйствію довѣренныхъ лицъ избранныхъ самой страной.

По мнѣнію Х., теперь нельзя еще предвидѣть выбора между этими двумя рѣшеніями, равно какъ и послѣдствій того или другого. Кроме правительства и земства, существуютъ третій элементъ, такъ называемый „крамола“, къ которой принадлежитъ не одна собственно революціонная партія, но и вообще все люди желающіе, но тѣмъ или другимъ причинамъ, насильственнаго переворота. Розыски произведенныя послѣ 1-го марта открыли что на высшіе общественные слои, или даже слои административные

не чужды связей съ „крамолой“; отъ этого подозрѣнія падаютъ на всехъ и каждого: армія, флотъ, разныя административныя вѣдомства, даже придворное, все кажется „зараженнымъ“ и поэтому нуждаются въ очищеніи. Прежде одинъ Катковъ утверждалъ это, а нынѣ въ этомъ убѣждены все стоящіе у кормила правленія.

— Повѣрьте мнѣ, — заключилъ Х., — что сокращенія личнаго состава администраціи приняты столько же съ цѣлью произвести это очищеніе, сколько и изъ желанія облегчить государственнымъ тяготамъ. Естественно, что выполнение этой задачи встрѣчаетъ великія затрудненія въ личныхъ связяхъ и вліяніяхъ, которыя нерѣдко дѣлаютъ напрасными добрыя намѣренія нашихъ реформаторовъ. Цѣлыя категоріи чиновниковъ осужденныхъ на „сокращеніе“ громко жалуются на несправедливость, кричатъ, что вся реформа состоитъ въ вытаскиваніи людей неприятныхъ новымъ заправителямъ, что выгода отъ сокращеній ничтожна, потому что они не производятся тамъ гдѣ ихъ можно и должно было произвести. Однимъ словомъ, настоящая административная реформа какъ бы ни были прекрасны мотивы ее внушившіе, значительно увеличиваетъ число недовольныхъ и именно изъ той среды, которая обыкновенно поставляла защитниковъ нашей правительственной системы. Нѣтъ ничего удивительнаго если удаленіе отъ службы людей ни къ чему болѣе неспособныхъ, увеличитъ собою силы „крамолы“, для сокрушенія которой и была предпринята реформа.

— Не кажется ли вамъ, однако, что интересы привилегированныхъ страдаютъ при каждой реформѣ имѣющей цѣлью общее благо, и что, въ данномъ случаѣ, правительство легко можетъ пренебречь недовольствомъ удаляемыхъ чиновниковъ и ихъ друзей, опираясь на одобреніе общества, если не петербургскаго, такъ провинціального, гораздо болѣе многочисленнаго?

— Совершенно такъ, но подъ условіемъ чтобы правительство въ самомъ дѣлѣ опиралось на общество, а не отдавало бы его во власть обыкновенной, усиленной и чрезвычайной охраны, отъ которыхъ болѣе всего страдаютъ приходится не Петербургу, а провинціи. При настоящихъ же обстоятельствахъ, недовольство служебныхъ сферъ, приравненное къ недовольству сферъ неслужебныхъ, имѣетъ серьезное значеніе: оно еще болѣе изолируетъ правительство и затрудняетъ его дѣйствія.

Меня все болѣе и болѣе поражаетъ аналогія между нынѣшней Россіей и Франціей 1776—1789 гг. Изнѣженный и развращенный высшій слой общества, и грубые и обнищавшіе массы, роскошный безъ мѣры дворъ и стремленіе къ экономіи свынше; тайны общества и заговоры, и участіе въ нихъ прямое или косвенное лицъ изъ самой правительственной среды; созываемые для содѣйствія правительству и распускаемые безъ достиженія результата, мѣстные дѣятели — у насъ эксперты, во Франціи нотабли; множество честолюбцевъ, ни передъ чѣмъ не останавливающихся; повсемѣстное броженіе, легковѣріе съ которымъ принимаются самыя чуждые слухи, взаимное заподозриваніе намѣреній и введенія всехъ и каждого; отсутствіе людей, которые бы могли сдерживать и направлять движеніе....

— А графъ Игнатъевъ? — прервалъ я Х-а.